

КОРОЛЕВА
мистического
РОМАНА

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

Ничего личного
Беги, ведьма!
Ведьмин круг
Не буди ведьму
Хозяйка колодца
Утопленница, или Третий ключ
Дом у Чертова озера
Вечность, или Пепел феникса
Невеста, или Волчья кровь
Ночь, или Слеза ангела
Гостья, или Печать василиска
Колдунья, или Проклятый дар
Призраки, или Музы дождливого парка
Ловушка, или Самая темная ночь
Дежавю, или Час перед рассветом
Паломница, или Ведьмин клад
Смертельное танго
Ты, я и Париж
Избранница, или Судьба № 5
Найденыш, или Хрустальное сердце
Миллионер из подворотни
Мужчины не плачут
Ева, или Паутина чужих желаний

ЦИКЛ «ТАЙНЫ СТАРОГО ПОМЕСТЬЯ»

Девушка с серебряной кровью
Приди в мои сны
Сердце зверя
Проклятое наследство
Змеевы дочери

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

Прокля
тое
наслед
ство

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Дизайн серии П. Петрова

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© Refluo, Ernstafan, Ethiriel / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Корсакова, Татьяна.
К69 Проклятое наследство / Татьяна Корсакова. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-101344-8

Анна Шумилина приехала на остров, чтобы разгадать тайну своих снов, а попала на дележ наследства. Словно стервятники, слетелись в старый дом наследнички, пытаясь отхватить себе кусок пожирнее. Но смерть повела с ними свою игру, подступая со всех сторон, увлекая за собой непрошенных гостей одного за другим. И самой Анне грозит нешуточная опасность, а в царящей вокруг суматохе невозможно разобраться, кто друг, а кто враг.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101344-8

© Корсакова Т., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Из сна Августа выдернули безжалостно: острыми крючьями впились в грудь, потянули. Не открывая глаз, он взвыл, попытался одновременно и сесть, и вырвать крючья. В руках забилося что-то мягкое и пушистое, зашипело возмущенно. Рябая кошка, то ли внучка, то ли и вовсе правнучка той, самой первой, подаренной Анечкой, сердито зыркнула желтыми глазищами, шмыгнула под лежак и уже оттуда завывала утробно и замогильно. Откуда в этом тщедушном тельце брался такой мощный голос, понять Августу Бергу было не дано, как и то, что заставляет его мириться со скверным характером зверюги. Уж не албасты ли?

Албасты кошек любила. Всех, которые родились от той самой первой, рябой. И если бы Августу вздумалось от кошки избавиться, закончиться это могло бы очень скверно. За почти двадцать лет знакомства и сосуществования бок о бок они с албасты не то чтобы подружились — какая уж дружба с нежитью! — но притерлись, научились друг другу не мешать. Но Август знал: случись что, албасты предпочтет ему кошку.

— Да умолкни ты! — просипел он, заглядывая под лежак и одновременно пытаясь нашарить ботинок. — Что на тебя такое нашло?

— Не на нее нашло. — Привычно дохнуло холодом и сыростью, и из рассветного сумрака выступила албасты. — На остров. Нашествие... — сказала и кончиком косы поманила затаившуюся кошку. — Если бы ты не пил, то знал бы.

Если бы не пил... Не получалось не пить. Пока Евдокия с ним оставалась, хорошо все было, расчудесно. Но Евдокия ушла, как Август ни умолял, как ни упрасивал.

— Нельзя мне, Август, тут долго. — Она гладила его по редким вихрам, и прикосновения ее прозрачных пальцев он чувствовал каждой клеточкой своего тела. — Заемная это жизнь, ты ведь понимаешь.

Он не понимал, не хотел ничего понимать.

— Я не справлюсь. — Своей ладонью он попытался накрыть ее ладони — не вышло. Да и раньше никогда не выходило. — Не выживу без тебя.

— Выживешь, не дури. — Голос ее сделался строгим, совсем как раньше, когда она была еще жива, когда он мог ее коснуться и почувствовать. — Ты сильный, я знаю. Ты только за мной не рвись, живи! Придет время — свидимся.

Вот только Август не хотел ни жить, ни дожидаться отведенного сроком времени, оттого и запил сразу, как только Евдокия ушла. Сначала пил с горя, потом от злости, что она его бросила, снова оставила одного, а потом просто по привычке. Пил, почти не хмелея, не теряя ни сил, ни памяти, понимая тщетность своих усилий. Кольцо Тайбека, то самое, за которое кто другой многим бы пожертвовал, не давало ему опуститься на самое дно, покончить с нынешним никчемным существованием. Приходили к Августу трусливые мыслишки избавиться от кольца, бросить в озеро, да

только понимал, что не получится, не хватит духу расстаться с подарком, потому что сила, которую дарило серебро, ему нравилась. Даром, что была она заемной, но в свои семьдесят с гаком чувствовал себя Август куда как лучше, чем те же двадцать лет назад. Даром, что выглядел ничемным стариком, но кровь в венах бурлила горячая, как у молодых. И с островом он справлялся один, без посторонней помощи. Никто из чернокаменных не хотел, боялись острова пуще прежнего. А Бергу-то чего бояться, когда он вон с самой страшной нежитью нынче на короткой ноге?

Албасты словно мысли его прочла, усмехнулась, обнажая бескровные десны и острые зубы, а потом нахмурилась. И кончик косы ее дернулся раздраженно, выманивая из-под лежака кошку.

— Чего пришла?

Жажда Августа не мучила, но он по привычке потянулся к ковшику с водой.

— Я пришла? — Албасты снова усмехнулась, подхватила на руки выбравшуюся на свет кошку, поскребла когтем по холке. Кошка — дьявольское отродье! — довольно заурчала. — Это не я пришла, старик, это они пришли.

— Кто — они? — Август распахнул окно, впуская внутрь злой солнечный свет, и тут же зажмурился.

— Это должно было случиться. Остров не может долго без людей. И озеро не может.

— А еще химера.

— Твое каменное детище? — Албасты приподняла одну бровь. — Ты тоже это почувствовал?

— Что я должен был почувствовать? — Правду Август знал, но признаваться себе не хотел, пусть уж лучше албасты сама скажет.

— Она проснулась — твоя химера. Или вот-вот проснется. Соскучился, старик?

Соскучился ли он? А пожалуй, и так! Как всякий родитель, всех своих детей он любил одинаково, даже тех, кто уродством и черной сутью своей скорее отпугивал, чем привлекал. Так уж получилось, что замок, который в душе Август продолжал звать химерой, тоже был его ребенком, пусть жестоким и непредсказуемым, жадным до человеческой крови, но уж какой есть... Берг скучал по тому особенному ощущению, которое пронизывало все его существо, когда ладони касались черных, шершавых стен. Каменная химера вздыхала, приветствуя своего родителя, и по чешуйчатой шкуре ее пробегала едва различимая дрожь. Так было раньше, семнадцать лет назад. Но той страшной ночью замок насытился пролившейся в его стенах кровью, надышался разлитым в воздухе ужасом, захмелел и уснул глубоким, беспробудным сном. Августу хотелось думать, что беспробудным, все же кровожадности своего детища он стыдился, но и скучал по нему в то же время. Значит, проснулась...

— Разбудили. — Албасты ответила на невысказанный вопрос. — Люди.

— Люди?..

— Пока ты пил и пьяным под лавкой валялся. — Порой она говорила как самая обыкновенная женщина, как сварливая жена, и Августа это удивляло, а иной раз даже умиляло. — На острове и в городе скоро многое изменится. То, чего вы с Евдокией боялись, неминуемо случится.

Неминуемо... А так хотелось, чтобы пронесло, чтобы тишина и прозябание, чтобы унылая старость

и скука. Выходит, не получится ни скуки, ни прозябания.

— Кто? — спросил Август и плеснул из ковшика себе в лицо. Капли воды попали на кошку, и та снова утробно зарычала.

— Пришлые. Пока только один, но чую, будет больше. Многим больше.

— А он?

— Нет. — Албасты покачала головой.

— Хорошо. — Август утер лицо несвежим рушником, недобро, как на злейшего врага, взглянул на кошку, которая принялась демонстративно вылизывать свою рябую шерсть.

— А она?

Прежде чем ответить, албасты посмотрела на него долгим взглядом. Сколько лет они знакомы, а взгляд этот вынести еще попробуй. Иной бы, наверное, с ума сошел, но Август особенный. Пусть никто об этой его особенности и не догадывается.

— Нет. — Албасты наконец отвела взгляд, покачала головой. — Я бы почувствовала.

А вот Берг ничегошеньки почувствовать не в силах, даже появление на Стражевом Камне чужаков пропустил. Захотелось снова напиться, закрыться от любых перемен.

— Не выйдет. — Албасты бережно поставила кошку на пол, напоследок почесала за ухом. — От себя не уйдешь.

— А от тебя?

— Все, что на этом острове творится, тебя касается. Ты теперь хранитель.

Хранитель... Насмешила нежить! Какой из него хранитель?! Что ему хранить?! Всех, кого любил, по-

терял, схоронил, а кого не схоронил, тому своими собственными руками дорогу на остров закрыл. Чтобы не потерять, не хоронить раньше срока... Да разве ж албасты переубедишь?

Хотел сказать что-нибудь злое, но не успел — в дверь громко постучали. Чужак — свои так бесцеремонно себя не ведут, не являются незваными гостями.

— Эй, ау! Есть кто живой?! — А голос зычный, сразу понятно, что у того, кто кричит, глотка луженая. — Мастер Берг, вы дома?!

Албасты посмотрела на Августа многозначительно, отступила в сумрак, с сумраком этим сливаясь, а он подошел к содрогаящейся от стука двери, постоял в раздумьях и с неохотой отодвинул запор.

На пороге стоял человек неожиданно хрупкой комплекции для обладателя такого густого голоса. Невысокий, весь какой-то лощенный, прилизанный, в шерстяном костюме и в круглых очочках, из-за которых не разглядеть глаз.

— Мастер Берг? — Человек церемонно снял с головы шляпу и так же церемонно поклонился Августу. Очки хищно сверкнули. Или это была всего лишь оптическая иллюзия?

— С кем имею честь? — Впускать незнакомца внутрь Август не спешил, стоял, закрывая собой дверной проем, почесывал живот.

— Викентий Иванович Пилипейко, — отрекомендовался человек, так и норовя заглянуть Августу за плечо. — Поверенный Матрены Павловны Кутасовой, — добавил многозначительно. — Слыхали про такую?

— Фамилия в наших краях известная, — Август кивнул, — громкая фамилия. С Саввой Кутасовым,

помнится, мы были на короткой ноге. До тех пор пока он в тайге не сгинул.

— Прискорбный, весьма прискорбный случай. — Поверенный Пилипейко вздохнул, но скорби в его голосе Август не услышал, скорее нетерпение. — Так вот, Матрена Павловна его родственница.

— Надо полагать, не самая близкая. — Август зевнул.

— Супруга его старшего брата, ныне покойного. И тетушка Марии Саввичны Злотниковой, в девичестве Кутасовой...

— Ныне тоже покойной, — не слишком дружелюбно оборвал его Август. — От меня вам что нужно?

— Так ключи, мастер Берг. — Поверенный Пилипейко несколько не смутился. — В городе мне сказали, что ключи я могу найти у вас, что вы в некотором роде хранитель здешнего... — он прищелкнул пальцами, подбирая нужное слово, — замка.

Август поморщился, уже второй раз за утро его называли хранителем.

— Так вот, — поверенный потер сухонькие ладошки и сделался похож на паука, — мне бы хотелось ключи эти получить.

— На каком таком основании? — любопытствовал Август.

— А вот извольте! — Из внутреннего кармана пиджака Пилипейко извлек какую-то бумажку, сунул ее Августу под нос. — Все по закону, смею вас заверить! Матрена Павловна — законная наследница...

— Чего наследница?

— Всего... то есть не всего, но многого. Да там, в документе, написано. Прочтите, если сомневаетесь.

Август прочел, но из юридических хитросплетений понял только одно: Матрена Кутасова имеет право на часть золотниковских миллионов и замка. Вот и объявились наследники! А он уже и ждать перестал. Зря, выходит, надеялся.

— Так что у нас с ключами? — спросил поверенный уже вполне панибратским тоном и снова заглянул Августу за плечо. — Позвольте? Маяк, знаете ли, это тоже имущество. Если вы понимаете, о чем я.

Август понимал, очень хорошо понимал. Не зря волновалась Евдокия, не зря уговаривала его держаться, не пить, оставаться в здравом уме и твердой памяти. Пить-то он все равно пил, но вот с умом и памятью у него, слава богу, полный порядок. И того и другого хватает, чтобы понять, чем грозит ему немилость новых хозяев. А потому вместо ответа Август широко улыбнулся и гостеприимно распахнул перед незванным гостем дверь.

Внутрь Пилипейко проскользнул ужом, остановился перед захламленным столом, повел носом, сказал с мягким укором:

— Что ж у вас тут так не прибрано, мастер Берг?

— Так гостей не ждал, господин поверенный. Вы ж без предупреждения ко мне явились.

— Надеюсь, в замке порядка поболее будет. — Брезгливо, двумя пальцами, Пилипейко взял со стола один из набросков Августа, поднес к глазам, наморщил нос, всматриваясь. — Презанятная картинка, — хмыкнул и вернул набросок на прежнее место. — Я слышал, вы в прошлом известный архитектор, — сказал не без злого умысла, с явным желанием уязвить.

— Отчего же в прошлом? — не знал Пилипейко, что уязвить Августа нынче совсем непросто. — Я и сейчас. Заказы до сих пор принимаю.

А вот тут Берг душой покривил. Давненько уже не было у него никаких заказов, а наброски эти так... больше для души, чтобы окончательно не выстудилась. Пилипейко ему не поверил, но покивал, соглашаясь.

— Холодно тут у вас, однако, — сказал и пиджак застегнул на все пуговицы.

Оттого и холодно, что албасты, нежить любопытная, никуда не ушла, стоит прямо за управляющим, а коса ее зависла над его плешивой макушкой. Хоть бы не коснулась, не нужны Августу тут мертвецы. Впрочем, ему и живые тут не особо нужны.

— Озеро рядом, сыро. — Август пожал плечами.

— И в замке такая же сырость? — поинтересовался Пилипейко деловым и одновременно озабоченным тоном.

— Не знаю, давненько я в замок не заглядывал.

— А я вот, знаете ли, попытался и нарвался на существо чудовище.

— Это вы не на чудовище нарвались, а на Григория. Живет он при замке, присматривает.

— Что ж вы, мастер Берг, присматривать за чужим имуществом поставили юродивого? — В голосе поверенного прорезались недовольные нотки, и кончик косы албасты описал над его головой восьмерку.

— А никто больше не согласился. — Может, еще удастся отговорить, напугать страшными рассказами? — Место здесь, знаете ли, особенное. Жуткое место.

— Слышал. — Пилипейко кивнул, и кончик косы едва не задел его макушку. — Даже читал полицейские отчеты. Очень познавательная история.

— Познавательная? — Август, считавший себя ко всему привычным, опешил. — С полсотни смер-

тей, кровища рекой, Злотников, обезглавленный неведомой тварью в собственном доме. Это, по-вашему, всего лишь познавательная история?

— Про неведомую тварь я с вами не соглашусь. Достоверно установлено, что виновником всего случившегося был волк-людоед. Но вреда та история принесла немало. Из-за рассказней и человеческой дремучести так и не удалось продать имущество.

— Замок, что ли?

— И замок в том числе. Не мне вам рассказывать, сколько все это, — Пилипейко сделал широкий жест руками, словно пытался обнять башню, — на самом деле стоит, какие деньжищи во все это вложены. — По голосу его было совершенно ясно, что подобное расточительство господину поверенному чуждо, что он сам распорядился бы деньгами куда как рассудительнее.

— Не надо рассказывать. Все, что есть на острове, мною построено.

— Значит, вы сами все прекрасно понимаете и, надеюсь, — Пилипейко поежился, — сумеете быть полезным.

— Кому, позвольте полюбопытствовать?

— Матрене Павловне, наследнице.

— Единственной?

Пилипейко посмотрел на Августа поверх очков внимательным взглядом. Цвет глаз у него оказался невыразительный, блекло-серый.

— Не об том вы заботитесь, мастер Берг, — сказал он и не удержался-таки, обернулся. Албасты к тому времени уже исчезла, оставила вместо себя кошку. — Вам заботиться надобно об том, чтобы Матрена Павловна не сочла ваше присутствие на остро-

ве неуместным. А решение ее во многом будет зависеть от того, как я вас представлю.

Тем временем кошка, и без того имевшая скверный характер, и вовсе распоясалась, без единого звука вцепилась когтями в ногу поверенного. Остроту ее когтей Август уже изведal на собственной шкуре и взывшему от боли Пилипейко даже слегка посочувствовал, бросился на помощь со всем усердием, попытался вызволить гостя от кошачьих объятий, но, видно, перестарался, крик Пилипейко сделался еще громче, еще отчаяннее. Наконец у них получилось, кошка безмолвной тенью юркнула под лежак и там затаилась, только глазюки зыркали недобро.

— Что за тварь тут у вас?.. — Пилипейко поддернул штанину, носовым платком принялся вытирать в кровь разодранную ногу.

— Тварь и есть, — искренне согласился с ним Август. — Самая настоящая тварь. Меня давеча тоже... — Он задрал рубаху, демонстрируя следы от кошачьих когтей.

— На живодерню... шкуру содрать... — прошипел Пилипейко и одернул штанину. Вид у него был такой, что стало ясно: его б воля — Берг бы тоже оказался на живодерне, вслед за кошкой.

— Вас, господин поверенный, надо думать, следует проводить в замок? — самым невинным тоном спросил Август, носком ботинка отпихивая тянувшийся к Пилипейко кончик седой косы. Значит, не ушла албасты, видела, как обижают ее любимицу. Ну-ну...

— Проводите. Уж будьте так любезны! — Настроение Пилипейко испортилось окончательно, и вся его недавняя любезность исчезла без следа. — Я дол-